

Марина Котова

СКВОЗЬ ВЕЩЕЙ ШУМ ДУБРАВ

Академия поэзии

Поэтическая библиотека России

Академия поэзии. Поэтическая библиотека России

Марина Котова

Сквозь вещей шум дубрав

«У Никитских ворот»

2017

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

Котова М. А.

Сквозь вещей шум дубрав / М. А. Котова — «У Никитских ворот», 2017 — (Академия поэзии. Поэтическая библиотека России)

ISBN 978-5-00095-366-2

В новой книге Марины Котовой «Сквозь вещей шум дубрав» тесно переплелись история и современность, в ее стихах ощущается живая ткань времени, горячее и обжигающее дыхание мира, тревога и надежда на грядущее. В книге явлена древняя языческая Русь, победы Святослава, мощь русских дубрав и рек, дающих силы не только выстоять, выжить в лихую годину, но и любить глубоко и безоглядно все сущее. Поэзия Марины Котовой – это русская страсть к простору, бескрайнему и прекрасному, как душа человека, какой задумал ее Бог. Марина Котова родилась в г. Дзержинске Нижегородской области. Окончила филологический факультет Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского и Высшие литературные курсы Литературного института им. А.М. Горького. Печаталась в журналах «Наш современник», «Москва», в «Литературной газете» и др. Автор четырех книг стихов. Лауреат Всероссийской премии «Традиция» журнала «Москва» за цикл стихов «И что мне тишь медлительная вод», Всероссийской литературной православной премии им. св. блг. кн. Ал. Невского, IV Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник».

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

ISBN 978-5-00095-366-2

© Котова М. А., 2017

© У Никитских ворот, 2017

Содержание

«Где, руками закрывшись, от холода плачут цветы...» (О поэзии Марины Котовой)	7
«Как лес, источенный угрюмым короедом...»	14
Как перед Богом, пред равниной русской	15
Святослав	15
Святослав на Оке	16
Древляне	17
Смерть Святослава	18
Ольга в Царьграде	19
«Мы родные с тобой, мы потомки твои, Святослав!..»	21
«Сторукие гигантские дубы...»	22
Бережец	23
«Я Русь люблю – боры ее и кручи...»	23
Дорога	24
«Дремлют карпы в прогретой воде, спят шелковник с осокой...»	25
«Утешь дыханьем лиственным и хвойным...»	26
Русь	27
«Глубинка, говорят, а слышу – глубина...»	28
Дыханье	30
Гимн лесу	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Котова

Сквозь вещей шум дубрав

© Котова М.А., 2017

© Академия поэзии, серия, 2017

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2017

«Где, руками закрывшись, от холода плачут цветы...» (О поэзии Марины Котовой)

Хочу сказать сразу: по моему мнению, Марина Котова – один из самых ярких и значительных поэтов, работающих сегодня в русской литературе. Главная тема поэзии Марины Котовой – природа. В стихах она прежде всего – художник. Для М. Котовой характерны обостренное чувство красоты, чуткость и трепетность восприятия мира. Истоком поэзии Котовой я назвала бы русскую классическую прозу – Тургенева, Бунина, Пришвина с их тихой неспешной выверенной речью и вглядыванием в мельчайшие детали сотворенного Богом мира. Многие в ее творчестве от прозы – широкое, вольное, неспешное дыхание стиха, подобное течению равнинной Оки (из поэтов невольно вспоминаются Павел Васильев и Борис Корнилов), обстоятельность и длина описаний, зоркость к мельчайшим деталям, медленная, кропотливая лепка образа. Но если Котова подмечает детали как прозаик, то распоряжается ими – как поэт. Стихи Котовой – это стихи-созерцания. Яркие, сочные поэтические детали нижутся друг на друга, переплетаются, множатся, рождая живую и трепетную ткань стиха и являя взгляду изумленного читателя то распахнувшуюся дремучую еловую чашу, то заросший медвяными травами луг, то родную, неоглядную, блистающую Оку, то непостижимое в своих вечных переменах озеро:

И слипались стрекозы, повыгнув тела нитяные.
И росла, и струилась озерной травы борода.
Запрокинувши головы, плыли цветы водяные
И поили округу прохладой с осколками черного льда.

Задохнуться от счастья не дай мне, о память, дай роздых!
Там лисой уходило закатное солнце в леса.
Там ложились стрижи с тонким криком на розовый воздух,
И в руках рыбаков напрягалась и пела леса.

Читаешь – и дух захватывает. Казалось бы – все – куда уж больше! Стихотворение вот-вот должно закончиться. Это пик, кульминация лирического чувства. Но стихотворение длится, детали нижутся одна на другую, картина выписывается вдумчиво и тщательно. И вдруг – возникает острое, пронзительное:

Помню запах осоки и жирного ила на стеблях,
Плеск в тумане невидимой серой, зернистой воды.
Дед с отцом из палатки ныряли в рассветные дебри,
Где, руками закрывшись, от холода плачут цветы.

В тот момент, когда я прочитала об этих цветах, плачущих от холода – я поняла, что Марина Котова принадлежит к числу тех поэтов, которые меня в русской поэзии безусловно интересуют. Какая удивительная, редкая красота, какое живое, яркое, волнующее восприятие мира! И вот ведь что еще: при всей эпической широте и неспешности, при всей явной длине – стихи не затянуты! Все в этом стихотворении писалось именно для того, чтобы вынырнули из сознания, выплыли, вылепились, наконец-таки *сказались* эти плачущие от холода цветы!

В куда большей мере, чем русскую классическую прозу, истоком стихов Марины Котовой можно назвать русскую пейзажную живопись и русскую природу. Собственно, все творчество Котовой является последовательным отстаиванием права поэта на пейзаж. Не на картины природы, служащие фоном для лирических человеческих переживаний, не на лирические зарисовки, служащие фоном для ищущей человеческой философской мысли, как это чаще всего бывает у других поэтов – вот именно на пейзаж как таковой. Художник слова, работающий в жанре пейзажа, по сути, Марина Котова в стихах делает то же, что делали в живописи лучшие русские пейзажисты – Саврасов, Поленов, Левитан, Куинджи, Федотов, Нестеров, Кустодиев, Борисов-Мусатов, Якунчикова. И, как с полотен этих живописцев, из стихотворений Марины Котовой на нас смотрит огромная, раздольная, непередаваемая в своей привольной красоте Россия. Россия, как у всякого художника, наполненная самоценным завораживающим цветом, сквозящими светотенями, зовущим в свою глубину пространством и развернувшейся во всю огромную ширь перспективой:

Скоро встанут стога, как буханки с поджаристой коркой.
Время все прибирает к своим загребушим рукам.
А пока выбегает зеленая рожь на пригорки
И течет, разливаясь к приокским седым тальникам.

А пока, навязав терпеливым колосьям соседство,
Налилась лебеда, липнут мошки к сквозным рукавам.
Как увижу – на памяти мамины слезы о детстве:
Были рады в войну и лепешке с травой пополам.

Марина Котова – очень русский поэт. Для нее характерны плавная медлительность русской речи, русское восприятие мира, русский характер, русская раздольность и неторопливость, русская незлобивость. Поскольку в ее строки почти не врываются грохот цивилизации и гул человеческих страстей, стихи ее наполнены русской тишиной («А там, во глубине России,/ Там вековая тишина»). Тишина эта не примета отсталости и нежелания бежать за цивилизацией – Котова точно знает, что за разрушающей и пожирающей мир цивилизацией бежать не нужно. Тишина в слове сгущается до безмолвия, из которого и рождаются образы и мысли. Это музыкальный фон стиха, его сокровенный покой. Пейзажи М. Котовой разнообразны и неисчерпаемы, как окружающий мир. Перефразируя знаменитые строки Юрия Кузнецова, можно сказать, что Россия здесь открывается «за первым углом» – в самом прямом и ослепительном смысле этого слова. Потому что в каждом, даже самом привычном пейзаже, Марина Котова не устает прозревать *явление России*, а точнее – явление одного из ее многообразных ликов:

Обмирает душа от дыхания горьких черемух.
Уж ломали-ломали, живьем обдирали корье. –
Вновь роятся цветы, точно пчелы, стряхнувшие дрему.
И я слушаю, Русь, как колотится сердце твое.

Бродит вешняя кровь. Всюду белое да золотое. –
Словно плат Богородицы бьется на синем ветру.
Ты сегодня лучишься такой неземной красотой!
От слепящего света я слезы, не прячась, утру.

Котова – обладательница не только точного, но и очень яркого зрения. Ее поэтические образы неожиданны, сочны, живописны. Они наплывают разноцветными пятнами, обновляют

восприятие, заставляют взглянуться в пейзаж и увидеть его по-новому: «Проточный воздух зачерпнув рукой,/ Здесь пьешь и пьешь, не утоляя жажды./ Здесь время медлит золотым жуком/ В листве шумящей, и густой, и влажной»; «Я – наследница древней прекрасной земли,/ И в стихах моих желтые дюны поют,/ Шумно медленным золотом плещет залив,/ Ищут с криками чайки добычу свою».

Марина Котова – лирик, ей чужды пафосные и декларативные стихи, и все же поэзию Котовой с полным правом можно назвать в самом лучшем смысле этого слова патриотической. Через русский пейзаж Россия в ее стихах дана широко, глубоко и ярко – и речь здесь не только о блистающей Оке и заповедных псковских борах. Россия у Котовой – это мир, наполненный памятью веков и любовью поколений. Память и прапамять существуют здесь полноправно и неразрывно. Из пейзажа как его неотъемлемая часть выплывают церкви и древние города, история и предания военного лихолетья: «Все помнят травы – память в семенах,/ В песке, камнях. Сам воздух прошлым ранен./ Смотрю сквозь даль – и боль земли, и шрамы, – / Мне внятно все, что кануло в веках». Вообще, древняя Русь постоянно возникает в стихах Котовой – ибо в древнюю природу, древние псковские и новгородские боры она вплетена и дышит из курганов, сосен, прелей, мхов. История – продолжение природы, ее память. И если у Тютчева «Природа знать не знает о былом./ Ей чужды наши призрачные годы./ И перед ней мы смутно сознаем/ Себя самих – лишь грезой природы», то у Котовой природа знает о былом лучше человека, хотя в том, что мы – грезы природы, Марина Котова в восприятии смыкается с Тютчевым – для нее и прошлое, и будущее, и человек – греза природы, ее порождение и сон. Что интересно, если М. Котову не интересует внутренняя жизнь конкретного человека, то характер русского народа, характер этноса, говоря по-другому, собирательный, обобщенный образ русского человека, выписан у нее глубоко, детально и верно, он тоже органически возникает из русского пейзажа и рождается им: «Узка рубашка «эго», швы трещат./ Но человеку русскому присуще/ Себя с другими рядом ощущать/ Единым лугом, истоиво цветущим». Неизбежно вспоминается Лев Гумилев, неоднократно писавший об историческом процессе как о *взаимодействии развивающихся этносов с вмещающим ландшафтом*, порождающим из себя и во многом определяющим национальный характер, культуру, мироощущение и мировоззрение. Пейзаж Котовой по сути своей и есть такой поэтический *вмещающий ландшафт* – он необъятен и неисчерпаем в своей смысловой нагрузке.

В стихах Марины Котовой вы не найдете ярко выраженного психологизма, присущего русской литературе, привычного интереса к внутренней жизни человеческой души, драм судьбы, любовных и психологических драм. Пожалуй, к поэзии ее уместно применить хорошо известное в живописи понятие «человек в пейзаже» – самодовлеющая природа восходит над человеческим и во многом поглощает его. Пейзаж здесь не служит фоном для человека – человек неотрывен от пейзажа, неотделим от него, он не выпал из природы. И если уж Котова пишет о любви мужчины и женщины, то находит для этого свои особые поэтические средства и неизменно передает чувства через детально прописанный зрительный образ, через пейзаж, через натюрморт:

Ты ветку дикую из сумерек принес
С бутонами, как сливочное масло.
И запах в комнате дал корни и пророс
И длинным зыбким стеблем закачался.

Ты распластал лосося вдоль хребта.
Судьба, как чайка, наблюдала зорко.
И рыба красная на блюде истекла
Соленой кровью и соленым соком.

Происходит это не случайно: Марина Котова ищет не место человека в мире, как это делал, скажем, еще XIX век, жительница конца XX – начала XXI века, она ищет в мире место для природы, хорошо осознавая, что экологическая катастрофа – это не только этнос, выпавший из вмещающего ландшафта, что влечет за собой и историческую, и национальную катастрофы – это крушение всего человечества, ибо человек, погубивший живое вокруг себя – уже человек апокалипсиса. Судьба самой Марины Котовой – трагическая судьба человека, выросшего в зоне экологической катастрофы и оставшегося без живой природы и глотка чистого воздуха. Сотворенный человеком предапокалиптический мир поражает безобразием дымящих труб, серого бетона, разъедающих живую плоть кислотой и щелочью химических отходов. Рукотворный мир в крайности своего техногенного безобразия противостоит сотворенному Богом миру. А душа, оставшаяся наедине с творением человеческих рук и лишенная соприкосновения с творением Божественным, переживает особенную и, наверное, самую страшную из всех существующих на земле драм: «Не солнце – смерть нам опалила лица./ Свинец копили в листьях дерева. / И на заре в химической столице/ Росой кровавой плакала трава.// И были мы свидетели живые/ Закатов – им подобных в мире нет – / Химической безумной феерии/ Косматых огнедышащих комет». Да и впрямь, а есть ли на земле что-то важнее ежесекундно уничтожаемых полей, лесов, рек, цветов, мурашей, птиц – всей «братии меньшей», без которой человек – уже не человек, а придаток машины, жизнь – уже не жизнь, а нечто, полностью противоположное ей. Ибо жизнь при убитом и вытравленном живом по сути своей невозможна. Именно потому для Марины Котовой, в детстве прочувствовавшей ужас жизни без живого, любое прикосновение к природе – что-то типа бунинского «солнечного удара»: душа потрясена до глубинных основ самим **бытием**, самой жизнью во всем ее трепещущем, дышащем и прекрасном разнообразии.

Ландшафтный пейзаж сменяется городским. Что интересно, влюбленному в природу и верному ей поэту городской пейзаж удастся едва ли не лучше ландшафтного. Мало и плохо выписанный в современной поэзии город встает в стихах во всех неожиданных подробностях и деталях. Город – не зона экологической катастрофы, для Котовой это – рукотворное продолжение природы, мир, полный жизни и ее изменчивых чудес, потому и воздушный шар, всплывающий над ВДНХ, неожиданно воспринимается органичным продолжением распахнутой небу и солнцу родной Оки: «Сесть на холме. Хребтами лодок старых/ На отмели осели облака./ Следить неспешно за воздушным шаром./ Всплывающим со дна ВДНХ». И все-таки современный город, спешащий, усталый, дерзкий, ставящий перед человеком вопрос каждодневного выживания, рождает совсем другие чувства и желания. Созерцание не порождает тут умиротворения и любви: житель огромного мегаполиса постоянно находится в состоянии стресса, он – на грани, отсюда – и «красота над бездной», желание зайти за грань, заглянуть в глаза смерти, перерезать стропы воздушного шара: «Я знаю: близость к смерти – путь кратчайший/ К морозной, страшной ясности ума...»

Они придут – пронзительны, стооки,
Слепящей вспышкой – остальное хлам, –
Те самые, провидческие строки,
Что лишь над бездной открывают нам.

При всем внутреннем стремлении к прорыву, творчеству, свету подсознание поэта выдает точный диагноз: ни при созерцании родной природы, ни при созерцании древних городов и храмов, воздвигнутых нашими предками, такие экстремальные чувства, такой «надрыв во имя прорыва» возникнуть не могут.

Завораживающая, потрясающая красота возникает и при описании Дмитровского собора. Но эта красота принадлежит другому времени – времени духовного подъема и расцвета Руси. Казалось бы – сам белокаменный резной собор настолько прекрасен, что куда уж нам, немощным, тягаться в описаниях с этим белокаменным дивом! Но вот ведь – рискнула, и родилось поэтическое чудо красоты:

Давид – порыв, идущий сквозь, поверх,
Всей грудью – птицей, жаждущей паренья,
Века не опуская тяжких век,
Вдыхал морозный воздух вдохновенья.

По насту камня, скорлупы белей,
Из зарослей, из синей дебри мифов
Шла вереница чудищ и зверей,
Чтоб трону Псалмопевца поклониться.

...

И мне бы ввысь! Была ли так легка?!
О звонкий гул серебряного вздоха!
Собор сиял. Смеялись облака.
Плясало солнце красным скоморохом.

Не стоит и, собственно говоря, не хочется искать в этом стихотворении каких-то глубинных философских подтекстов. Тут, скорее, важен порыв вверх, пламень духовного горения, пробужденный стремящимся в горние миры духом наших предков. Потому и красота здесь – только на первый взгляд самоцель, на самом же деле она – образ Царств Божьих, воплощенное в зрительном восхождение к Небесному, взыскующее о творчестве обращение к Богу Творцу, Богу Поэтосу и царю земных поэтов – псалмопевцу Давиду.

Над природой у Котовой – Бог, Богородица, святые. Они плотно вплетены в пространство русского пейзажа, растворены в нем вместе с церквями и старыми городами. Неожиданным и ожидаемым наваждением, вестью о вечном потоке над необозримыми далями Оки возникает Ной: «И сквозь пейзаж знакомый и привычный/ День проступил в слезящейся дали: / Вернулся голубь с веткою масличной./ И Ной узнал: вода сошла с земли». А в городской индустриальный пейзаж с дымящимися трубами и вписанной в него ветхой церквушкой накануне Пасхи ярким метеором врывается ликующая Магдалина – и остается в этом пейзаже навсегда. Образ царя Давида – один из любимых образов Марины Котовой – возникает не только в стихотворении о Дмитровском соборе. Стихотворение «Царь Давид и жабы» – программное для Котовой – написано по русскому апокрифу «Сказание о псалтыри, како написася Давидом царем». И в апокрифе, и в стихотворении псалмы диктует Давиду ангел, но мешают писать жабы, орущие за окном. Давид приказывает разогнать тварей горящей соломой, после чего ему трижды является огромная черная жаба и говорит: «Не дам тебе хвалить Бога, как ты не даешь хвалить мне». Раскаявшийся псалмопевец прекращает преследовать жаб и изрекает слова, долгие века не сходящие с уст человечества: «Всякое дыхание да хвалит Господа».

И певчий тростник шелестел свои думы,
Источник звенел, трепет шел по маслинам.
И то, что казалось назойливым шумом,
Теперь представлялось ликующим гимном.

Все славил жизнь и Творца ее в вышних
На том языке, что дарован природой.
Трава полевая, нет жальче и тише,
Несла свою лепту вдовицей убогой.

И, замороженный, в предчувствии слова –
О жизнь, до чего ты богата дарами! –
Заслушавшись музыкой мира ночного,
Давид пред пустыней пергамента замер.

Пожалуй, это одновременно и самая сокровенная, и самая главная идея поэзии Марины Котовой – весь мир ее поэтической вселенной самим своим существованием, каждым своим дыханием хвалит Господа.

...Завораживающая красота Божьего мира... Но в русской поэзии разные поэты дали разные, непохожие, незабываемые образы красоты и понимали красоту по-разному. У М. Котовой красота не сопряжена с соблазном, острым ощущением греховности и покаянной работой страстной души, отдающей себе отчет в своей безобразности, с напряженной и прекрасной в своем полете работой мысли, что характерно для Блока: «И такая влекущая сила,/ Что готов я твердить за молвой,/ Будто ангелов ты низводила,/ Соблазня твоей красотой...». Марина Котова органична и во многом безмятежна в своем восприятии мира, у нее, как у Есенина, не возникает желания в поисках гармонии примирить добро и зло: «Розу белую с черной жабой/ Я хотел на земле повенчать». К ней трудно отнести знаменитые строки Заболоцкого «... что есть красота,/ И почему ее обожествляют люди?! Сосуд она, в котором пустота,/ Или огонь, мерцающий в сосуде?». У Заболоцкого внутренняя красота противопоставляется внешней, и священный огонь горит, в общем-то, в некрасивом сосуде. Пожалуй, больше всего Марине Котовой подходит понимание красоты Николая Клюева: «По Заонежью бродят сказки,/ Что я женат на Красоте». Вот такая *обрученность красоте* присуща влюбленной в прекрасный мерцающий мир Марине Котовой. Хотя, если говорить об огне, «мерцающем в сосуде», как о нетварных энергиях, пронизывающих живое – Марина Котова позабывший о себе созерцатель Небесного огня, скрывающегося за явлениями земной красоты.

Заговорив о красоте, невозможно не вспомнить Платона, у которого истина, благо и красота всегда едины и нераздельно слиты. В своем знаменитом диалоге «Пир» Платон говорит о «лестнице прекрасного», начинающейся с постижения образов физической красоты и заканчивающейся постижением Красоты метафизической: «...начав с отдельных проявлений прекрасного надо все время словно бы по ступенькам подниматься ради самого прекрасного вверх – от прекрасных тел к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь наконец, что же это – прекрасное». Восхождение по лестнице прекрасного начинается по Платону с созерцания зрительных образов, потом появляется способность созерцать красоту внутреннего мира души, далее – способность созерцать красоту законов, нравов и обычаев людей, за ней пробуждается дар воспринимать красоту философии и наук, видеть гармоническую красоту устройства мироздания, а самой высшей ступенью восхождения оказывается способность видеть красоту и прекрасное без оболочек и форм. Я далека от того, чтобы понимать ступени платоновской лестницы буквально – живая жизнь не терпит искусственных разделений, и в любой душе, дополняя друг друга и уживаясь между собою, живет желание постигнуть прекрасное во всех его проявлениях. Для меня важно другое – в русской поэзии работает поэт с ярким и редким даром восприятия красоты, поэт, к красоте *горящий* и уверенно и безоглядно поднимающийся по Небесной лестнице Прекрасного.

Наталья Егорова

«Как лес, источенный угрюмым короедом...»

*Как лес, источенный угрюмым короедом,
Больной и чахлый, с сердцевиною гнилой,
Мир, вынесший тысячелетий беды,
Сегодня рушится, становится трухой.*

*Все сдвинулось, горят костры кочевий.
Бегут, стреляют, подрывают, жгут.
Лениво ждут обильной пищи черви,
И тянет сладким смрадом новых смут.*

*Зияют реки черной рваной раной,
Срывают вихри почв отравленный покров,
Трещит кора земная, копят гнев вулканы,
Не влагу облака несут, а кровь.*

*Но зачумленным все прикол да лажа.
И день и ночь, пресытившись игрой,
Дикарь гигантским пальцем тычет в гаджет,
Ждет откровений ленты новостной.*

*И страшно жить средь общего распада,
И как представишь – прошибает пот:
Чернорабочих ангелов бригада
В спецовках грубых только знака ждет.*

*Повырубят, сожгут – следа не сыщешь –
С нездешней яростью в пылающих очах,
Чтоб новое возросло на черном пепелище,
Как на горельниках кровавый иван-чай.*

27 октября 2015

Как перед Богом, пред равниной русской

Святослав

Последний великий язычник священной земли, Святослав,
Дремучая даль за тобою синееет горами,
Заросшие старицы вьются ужами в лугах, –
Ушедшая древняя Русь золотых волхований.

Лесными слонами там в травах ступают дубы,
Сияют в глуши горлицы твои, медуницы,
По отмелям белым у говорящей воды
Нагие, но в сбруе жемчужной, сидят водяницы.

Там частые звезды глядят из небесных окон,
И духи лесов, уловивши воздушные струи,
С травой, со зверями общаясь своим языком,
Качаясь в вершинах, в предчувствии солнца ликуют.

Там, честь воздавая былинному богатырю,
Хранят его след неусыпно угрюмые камни,
Там предки по зову земной покидают приют,
Чтоб биться за русскую волю с живыми на равных.

Последний рубеж за тобою. Родной старины не предав
И русских богов не стыдясь, победитель Итиля,
Ты клялся Перуном и Велесом – богом скота
Пред чванной и хитрой умом Византией.

Погибших богов не зову я нарушить покой,
Но корни крепятся в земле золотыми узлами.
И так не хватает языческой, дерзкой, хмельной
Закваски твоей, воли к жизни твоей, Святославе!

20 января 2014

Святослав на Оке

На Оку на реку со дружиной пришел Святослав –
В ястребиный удел – луговые парящие дали.
Родники говорили о Солнце в косматых лесах,
И сырые дубы выступали навстречу волхвами.

Тесно русскому сердцу в стенах – не берет его хмель.
Дикой волей хмельно да простору безмерному радо.
Покорять, брать в кулак, раздвигая пределы земель,
Чтоб насытить глаза изобильем небес неоглядных.

И в суровости дикой и мощи открылась Ока –
Золотая вода – прочим водам и рекам праматерь.
И щитами обрывов краснели ее берега,
И мечом золотым отливали пески на закате.

Ни котла, ни шатра – в частых звездах небесный покров,
Вещий голос Оки, дышит жаром дичина на углях.
Видел князь: просыпаются тонкие духи лугов,
Развивая ковры, что до сумерек прячут по дуплам.

И во сне по холмам продолжая дружину вести,
У костра от земли наполняясь великою силой,
Слышал князь: о былом и грядущем трава шелестит,
И, добычу ища, проплывает сова молчаливо.

За лугами – луга. И наткнулся на вятичей князь.
«Ваши земли щедры, – и рукою кругом показал он. –
Дань даете кому иль живете, зверями таясь?»
И ответили князю: «Даем по щелягу хазарам».

Не жирно ли хазарам славянские пити меды?
Русским серебром звякать, копить соболей да куницу?
Потемнела Ока, зашумели, волнуясь, дубы,
В синеве грозовой заматались тревожно зарницы.

И рече Святослав: «Как от ветра дорожная пыль,
Да рассеется мрак, разбежится пред воями нежить!
Кличут русские боги на Дон, жаждет крови ковыль!»
И направил коня на хазарскую Белую Вежу.

14 января 2014

Древляне

Все гостям готово – яма вырыта
На дворе широком теремном.
Пахнут корни сладко, горько сыростью.
Ждет земля – укрыть своим ковром.

Ждут холмы, упрямые, набычились,
Гордым сватам не ступить на них.
Вон ладья плывет по-над Боричевым
Мимо стен дубовых крепостных.

Ждет земля – ладья идет по воздуху,
В воздухе цветения дурман.
От корявых веток бело-розовых
Юным счастьем веет на древлян.

Ветер бьется с красными одеждами,
Золото слепит. Завидуй, люд:
Над рекой ни конные, ни пешие,
Честь от Ольги – на плечах несут!

Усмехнутся: больше волку Игорю
Быстрый Днепр не почерпнуть веслом.
Разорвало крик его погибельный,
Кровью мох древлянский напоен.

Ольга ждет, все шепчет: «как аукнется»,
Веток бело-розовых белей.
Князя нет, теперь она заступница
Русским людям, Киевской земле.

Отрок Святослав следит за вороном:
Неужели смертен я?! Открой!
Солнце-Бог кладет ему на голову
Нестерпимо жаркую ладонь.

11 февраля 2015

Смерть Святослава

Эта смерть и страшна, и чиста, как слепящий огонь,
Без пелен погребальных, без желтого женского воя.
Вот встает над порогами, черной бурливой рекой,
Собирается с силами к бою последнему воин.

Печенеги кругом, а дружина у князя мала,
Не для всех, розовея, заблещет лучами денница,
Чье-то сердце пробьет, задрожав опереньем, стрела.
Мы хотим или нет, все равно нам придется сразиться.

Где-то волны Дуная, как думы, идут чередой,
Там начало Руси, там великая родина предков,
Может, больше, чем битвы, любил он простор голубой,
И дыханье степей, и калины цветущие ветки.

Не затмит его славу историков новых орда,
Ни хазарская ржавь, ни Сиона лукавые дщери,
Его имя гремит, как грохочет в порогах вода,
И взывает к потомкам окованный золотом череп.

17 декабря 2015

Ольга в Царьграде

Измученная плеском черных волн,
Соленых брызг тяжелым пенным градом,
Качанием под чаек влажный стон,
Княгиня Ольга приплыла к Царьграду.

Еще в глазах черненым серебром
Опасный путь – лесистые отроги,
Шагает Днепр свирепо, напролом,
Гремя, через скалистые пороги,

Еще ладьи проводят в бурунах
Мужи босые с хваткою медвежьей,
И хмель в сердцах преодолагает страх
Перед стрелой коварной печенежьей.

Велик и страшен русский караван,
С собою воинов взяла княгиня много,
И дерзких варваров из полунощных стран
Все держат в водах Золотого Рога.

Все медлят греки, и не так война
Страшит их – защитят святые главы,
Смущает их, что русская жена
С мужами будет говорить на равных.

Но за язычницей угрюмой Русь лежит,
Там мед, меха, там люд лесной и вольный.
Империя воюет, ей нужны
Отважные, а русский – лучший воин.

И день назначен. Ольге предстоит,
Рекут послы, как прочим иноземцам,
На мраморе узорных царских плит
Перед владыкой мира простереться.

И в миг, когда свершается обряд,
В завесах красных, в благовоньях дивных
У трона птицы запоют-заговорят,
Лев зарычит с серебряною гривой.

Не до чудес ей! Пасть покорно ниц?!
Ждать милости, как ждет толпа немая?!
И, не скрывая грозových зарниц,
Княгиня голову надменно поднимает.

Свежеют дали в пенных беляках,
Над городом в высокой кроткой сини
В полупрозрачных розоватых облаках
Горит призывно белая София.

10 декабря 2015

«Мы родные с тобой, мы потомки твои, Святослав!..»

Мы родные с тобой, мы потомки твои, Святослав!
Та же русская кровь, жарко-алая кровь в наших жилах,
Та же тяга к простору и шуму зеленых дубрав,
Что сказанья хранят про славянскую гордую силу.

Нас земля породнила, горячая глина дорог,
Разнотравье, гул ветра, печаль одинокой калины,
Воды вещей Оки, белым шелком скрипящий песок
И плакучий тальник, уходящий под волны в разливы.

Ты смотрел в эту влажную синь, слушал певчий тальник,
И Ока сберегла тебя в омурах памяти древней
И запомнила речи твои и Ярилом прокаленный лик,
О река-летописец, столетья копившая время!

Ты, булатным мечом изменивший истории ход!
Имя молвишь твое – тотчас горы приходят в движенье,
И не солнце дробится в очах очарованных вод –
Твоя тень, Святослав, золотое твое отраженье.

24 июля 2014

«Сторукие гигантские дубы...»

Сторукие гигантские дубы
Хранят покой невиданной равнины,
Выходят из оврагов на холмы
В рубахах красных тонкие калины

Пить окский ветер. Желтый берег дик,
Не птицы – время в нем пробило норы.
Пласты земли (как тонок слух у них)
Все помнят, верно, песни Святогора,

Протяжные, как русская тоска,
Бездонные, как вековые дали.
Здесь ворон, прянув с мокрого песка,
Пророчил гибель, травы волховали.

Ни тление не трогает, ни ржа
Богатств земных: по золотым угорам
Все кости богатырские лежат –
Святой Руси священная опора.

Так велика просторов грозных власть
Над сердцем, так крепки с землею узы,
Что впору молча на колени стать,
Как перед Богом, пред равниной русской.

Ступив в ее древесный, травный храм,
Молить ее о мужестве и силе,
Так, руки воздевая, по холмам
Веками предки до меня просили.

10 сентября 2015

Бережец

«Я Русь люблю – боры ее и кручи...»

Я Русь люблю – боры ее и кручи,
И шелест палевый колышущихся трав,
И солнце, что коровой красной, тучной
К реке спускается сквозь вещей шум дубрав.

Но не за то ль, что сердцу драгоценно,
За то, чем и дарил, и дарит Спас,
За то, что и мгновенно и нетленно,
Другие царства смотрят зло на нас?

За эти вот немислимые дали,
Где, встав на воздухе, как и века назад,
Над нами Божья Матерь расправляет –
И ветер на руки берет лазурный плат.

За руды черные, за самоцветов груды,
Что все еще хранит во чреве твердь,
За стены сосен, чье дыханье чудно
Земли отравленной одолевает смерть.

И вот шипят: достойна ль Русь наследий?! –
В тоске угрюмой – целое разъять,
Повыдрать когти Русскому Медведю,
Хозяином в его владеньях стать.

Плевать растлившимся, что плачут кровью лики,
Чужда им жажда душу сохранить,
И наша щедрость – сильных и великих:
Отдать, помочь, собою заслонить.

И невдомек копающим могилу
Народу русскому – так свет Телец застил –
Затихни Русь – живое сердце мира,
И оскотинится, и омерзет мир.

18 марта 2015

Дорога

В окне металась занавеска,
Все тщила улететь туда,
Где солнечные перелески,
Холмов бредущие стада.

И виделись мне, как впервые,
Цветы, желтевшие в лугах,
Поля ячменные, ржанные,
Река в кисельных берегах.

Разнежившись, вольготно, немо
В огнях цветов, кострищ золе
Пресыщенное лаской небо
Еще лежало на земле,

Все облака – младенцев пухлых –
Вспоившей молоком речным.
В колосьях семена набухли,
Дыша теплом ее печным.

Автобус мчал. И за порывом
Порыв – шел ветер через мост.
Обрыв. И небо за обрывом
Уже вставало в полный рост.

1997

«Дремлют карпы в прогретой воде, спят шелковник с осокой...»

Дремлют карпы в прогретой воде, спят шелковник с осокой,
Поплавками кубышки качает волна-малахит.
Я пешком с муравьями по теплым мосткам над протокой.
Прикрываю глаза – так июньское солнце слепит.

Скоро встанут стога, как буханки с поджаристой коркой.
Время все прибирает к своим загребушим рукам.
А пока выбегает зеленая рожь на пригорки
И течет, разливаясь к приокским седым тальникам.

А пока, навязав терпеливым колосьям соседство,
Налилась лебеда, липнут мошки к сквозным рукавам.
Как увижу – на памяти мамины слезы о детстве:
Были рады в войну и лепешке с травой пополам.

Но ни битвы, ни голод свести не смогли нас под корень.
Древним воином, милостью Неба храним,
Белый храм возвышается над очарованным полем,
В облака упираясь сияющим шлемом своим.

В эту землю мне лечь. Потому я за все здесь в ответе.
За колосья и храмы, за дикие травы у троп.
Обжигает мне щеки болезненный жар лихолетья,
Но прохладен и свеж у ворот колокольчиков сноп.

Но веселые плотники лестницу ладят под кровлю.
Чинит невод сосед. Плачет чей-то ребенок навзрыд.
И пока я жива, все, что вижу, и знаю, и помню,
Что прозреет душа, переплавить в слова предстоит.

...Пахнут доски смолой, всюду груды кудрявых опилок.
И вчерашним дождем налиты на дорожках следы.
И небесный Строитель, на облачных стоя стропилах,
Смотрит в сердце мое через толщу небесной воды.

2005

«Утешь дыханьем лиственным и хвойным...»

Утешь дыханьем лиственным и хвойным,
Укрой зеленым шелком струй речных.
Россия! Русь! Ты – мятежи и войны.
Но ты и холод лилий золотых.

Войска слабы, поля тоской зияют,
Одно в тебе нетленно – красота.
Растленная, поруганная, злая,
Ты и в своем падении свята.

11 августа 2014

Русь

Русь моя! Осажденная крепость!
Велика, видно, предков вина:
Разжигая, как в звере, свирепость,
На тебя за войною война.

Древних идолов тащат с Востока
(Ипостасям не видно конца),
Все хотят нам открыть третье око.
Запад шлет золотого тельца.

Нам не надо чужого дурмана,
Нам довольно своей белены.
Новой раною лечим мы раны.
Души бедами утолнены.

Видно, крепко нас любит недоля,
Раз сердца наши ловят в силки,
Если чистое русское поле
Норовят поделить чужаки.

Что там в будущем: чет или нечет?
Цвет вишневый иль чертополох?
Встреча с Господом или не встреча?
Белобог победит? Чернобог?

Мокошь возится с белой куделью.
Не на саван ли нитку прядет?
Обнимаясь с хмельною метелью,
Русь свои навьи песни поет.

1997

«Глубинка, говорят, а слышу – глубина...»

Глубинка, говорят, а слышу – глубина.
Коровье стадо тянется по дамбе
Над Осовцом, что в дар Оке в холмах
Несет лугов, дубрав сырых преданья.

Приходят к остановке рыбаки,
С плеч свалят непосильную поклажу,
Вздувая жилы, стащат сапоги
И колпачки отвинчивают с фляжек.

И ждут, следя блистающий заход
Светила, тонущего медленно, без всплеска,
Единственный автобус, что пройдет
Раз в сотню лет по Красной, по Советской.

В заокских далях в проблесках дождя
Пылают в тучах золотые лики.
И местные из-под руки глядят
С достоинством под стать реке великой.

На лицах света золотого слой,
И тот же свет на зданиях старинных,
Купеческих, поросших бузиной,
Да мальвами, сплошь в мураве былинной.

На бывшей школе в заревой росе
Лицо (иль лик?), вязь подписи и даты –
Учился русский воин Алексей,
Что призван был служить в восьмидесятых.

И этот образ, зевы красных мальв,
И гроздь бузины, и неба древний свиток,
Реки дыханье, гроздовая даль
Таинственно и неразрывно слиты.

Не здесь ли ткется русских судеб нить,
В глубинке, в сокровенной сердцевине?!
Есть что-то подлинное в том, чтоб жизнь прожить
И умереть под тучами родными.

Дышать легендами, разливами лугов,
А выпадет – стать самому преданьем,
Как этот самый Леха Асташов,
Что голову сложил в Афганистане.

20 мая 2014

Дыханье

Разве что сравнится с чудом древним:
Под зеленый бархат хвои поднырнуть,
Ощувив, как сила от деревьев
Медленной волною входит в грудь?

Вышло так, что с отчими борами –
Домом елей, синих трав, зверья,
Узкими заросшими тропами
С самых ранних лет сроднилась я.

Город мой в химической пустыне
Зло молился западным ветрам,
На востоке заревами стыли
«Синтез», «Оргстекло», «Капролактан».

Город к ним крепился пуповиной,
Город пил, тоскуя от гульбы,
Темным шепотком твердил о взрывах,
Молча нес закрытые гробы.

В том аду мне приоткрылась тайна,
Чем на свете живо естество,
Поняла я: человек – дыханье,
Лишь дыханье, больше ничего.

В лес! На волю! В воскресенье рано
Поднимались. Розовел затон.
В лес! На волю! Не было нам храма.
Бор нам заменял и храм, и дом.

Там текло, сверкая, время Божье
Свежестью пронзительной, густой.
И была мне жизнь лесов дороже
Жизни душной, суетной, людской.

Выстрадано, выплакано мною:
Будет Русь стоять, и нам дышать, пока
Сердце бьется, чистое, лесное,
Выдыхая свет под облака.

13 ноября 2015

Гимн лесу

Мир оползнем течет, и все же есть
Сохранное от древности бездонной:
Колючий бархат хвой и влажных листьев взвесь,
Сушь можжевельников и винный запах терна.

Бор – древний бог, обутый в белый мох,
Его одежды – золотые чащи,
Нет избранных – хорош ты или плох –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.